

BELOKONEV Sergei Yur'evich, *Cand.Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor; Head of the Department of Political Science and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; pr-rsuh@yandex.ru)*

VASIL'EV Maksim Sergeevich, *postgraduate student of the Department of Political Science and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; bitcoinbeemax@gmail.com)*

TITOV Viktor Valerievich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.), Senior Researcher of the Institute for Political Science Studies, Department of Political Science and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; titov-msu@mail.ru)*

DIGITAL TECHNOLOGIES IN MODERN ELECTORAL CAMPAIGNS: SPECIFICS OF APPLICATION

Abstract. *The article analyzes the specifics and key areas of application of digital technologies in modern electoral campaigns. The authors offer three approaches to the understanding of electoral digital technologies: Internet-centric, technology-oriented, and synthetic ones. They point out such important technologies in the electoral process as electoral fundraising, YouTube-technologies, volunteer recruiting, tools of intellectual analysis, and monitoring and design of electoral dynamics.*

Keywords: *digital technologies, electoral campaign, electoral space, digital natives, electoral behavior*

ЮДИН Иван Валерьевич — кандидат политических наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (111250, Россия, г. Москва, Красноказарменная ул., 14; ivanyudin@yandex.ru)

ЛЮСКИН Михаил Борисович — доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (111250, Россия, г. Москва, Красноказарменная ул., 14; LiuskinMB@mpei.ru)

КАЛИНИН Эдуард Юрьевич — старший преподаватель кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (111250, Россия, г. Москва, Красноказарменная ул., 14; KalininEY@mpei.ru)

КРИЗИС ГЛОБАЛИЗАЦИИ, ИЛИ ПОИСКИ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Аннотация. *С позиций системного подхода и путем применения философских методов познания и навыков политического анализа авторы статьи делают попытку научного анализа противоречивой сущности такого процесса, как глобализация, который затрагивает множество сфер жизнедеятельности общества. В статье исследованы противоречия и опасности глобализации, возможные дальнейшие сценарии развития этого объективного процесса. Особое внимание уделяется необходимости политической модернизации как естественному результату исследуемого явления.*

Ключевые слова: *глобализация, политическая модернизация, противоречия глобализации, сценарии политического развития в условиях глобализации, опасности глобализации*

В последнее время происходят изменения характера, темпов и перспектив глобализации, что делает ее осмысление особенно актуальным.

Под глобализацией обычно понимается процесс становления планетарных

и универсальных общественных связей (экономических, политических, экологических, культурных), а также процессы универсализации существующих локальных связей и вовлечения в планетарную «сеть» локальных (региональных и этнонациональных) субъектов. Отметим сначала моменты глобализации, которые могут трактоваться как безусловно положительные. Это получение и распространение информации в режиме реального времени в рамках всей планеты, развитие культурных связей и туризма, изменение и улучшение качества образования.

Глобальная информатизация кажется безусловным благом. Это было бы так, если этот процесс рассматривать технологически, но не как социальный, духовный и идеологический процессы. При этом неявно подразумевается безусловное существование неких всеобщих моральных норм. Абстрагируемся от вопроса применимости или, по крайней мере, существования всеобщности и необходимости таких моральных или хотя бы формальных международно-правовых норм «внутри» Запада. В любом случае Запад — это не вся планета, а консолидированная политика Запада не может противодействовать наличию агрессивного антизападного меньшинства внутри него. Но помимо информатизации появляется дезинформация, а информация, являющаяся государственной, корпоративной или личной тайной, зачастую становится доступной вопреки желанию собственника; распространение и использование информации связывается с обретением той или иной экономической власти или влияния и т.д.

Таким образом, процессы глобальной информатизации становятся заложниками процессов глобализации экономики и политики.

Рассмотрим подробнее основные направления глобализации. Первое и, может быть, до сих пор самое главное направление — это глобализация политики. Оно существует в определенной степени в форме мировой политики уже с начала эпохи Великих географических открытий и колонизации или, по крайней мере, с начала XX в. — с возникновением Лиги Наций и т.п. Однако только с появлением средств массовых коммуникаций и снятием различных информационных барьеров можно говорить об эпохе не мировой (в государственно-политическом смысле), а глобальной (всемирно-массовой) политики.

Почти то же самое можно сказать относительно глобализации экономики. Приведем высказывание одного из самых известных аналитиков и идеологов глобализации и информатизации мирового сообщества М. Кастельса: «В последние десятилетия в мире появилась экономика нового типа, которую я называю информационной и глобальной... Итак, информационная — так как производительность и конкурентоспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Глобальная — потому, что основные виды экономической деятельности... а также их составляющие организуются в глобальном масштабе непосредственно либо с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов. И наконец, информационная и глобальная — потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существования конкуренции возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной информационной сети» [Кастельс 2000: 83]. Глобальная экономика представляет собой исторически новую реальность, отличную от мировой экономики. Согласно Ф. Броделю и И. Валлерстайну, «под мировой экономикой понимается система всемирного накопления капитала, существующая на Западе по крайней мере с XVI в.; глобальная экономика — это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты» [Wallerstein 1986: 145].

Такой взгляд на глобализацию экономики и информации можно назвать естественноисторическим, если использовать терминологию К. Маркса, т.е. описывать процесс глобализации как прогрессивный объективно-закономерный процесс, который может быть истолкован как грядущая манна небесная для локальных субъектов, которые еще не приобщились, но могут и хотят попасть на столбовую дорожку спасения от всех региональных проблем. В XX в. философы пытались изменить мир. В XXI в. настало время интерпретировать его по-другому. Этот вывод демонстрирует нам воскрешение классики (как классической философии, так и классического понимания социальной рациональности, теории и практики) с появлением новой информационно-технологической основы. Конечно, это модифицированная классика, т.к. явно признается множественность информационных источников, но и только. В этом новом социально-технологическом оптимизме, как когда-то в XIX в., не принимается в расчет ни сложность социальных, культурных и этнонациональных процессов, ни необходимость неклассической теории познания, отличающейся от простого соответствия знания объекту и учитывающей ложные, иллюзорные (превращенные) формы социального бытия и социального познания.

Неравномерность экономического, научно-технического и информационного развития в эпоху глобализации привела к тому, что сейчас ни одна страна или группа стран уже не могут далее развиваться, находясь в закрытом состоянии. С другой стороны, ускоренный рост развитых стран Западной Европы, Северной Америки и Юго-Восточной Азии оказывается возможным только благодаря существованию слаборазвитых стран. Глобальные масштабы производства предполагают глобальные стандарты. Если раньше при отсутствии сильной связи экономик различных регионов и при наличии изоляции за точку отсчета экономической эффективности в стране можно было принять средне-национальный уровень производительности труда, то теперь в эпоху глобализации этой меркой может быть лишь среднемировой уровень. В этом случае получается, что развитые страны отмеченных регионов, у которых производительность труда выше среднемировой, получают сверхприбыль, остальные несут убытки. Это означает для переходных экономик возможность создания современных рыночных производств только при условии меньших затрат, что стало возможным в свое время в Юго-Восточной Азии.

Преждевременная, поспешная и всеобщая либерализация экономики реально, как представляется, не является либерализацией, т.к. она проводится при отсутствии или возникновении системы формального рационального права (а где нет формального права, то, по западным меркам, нет и реальной свободы, по крайней мере, когда мы говорим об экономических правах и свободах). А с учетом вышеописанной глобализации экономики эта либерализация без рационального права и рационального государства оборачивается обеспечением экономических свобод развитых стран на своей собственной территории. Или, говоря по-другому, это реализация свобод чужих граждан, организаций и стран. Поэтому квалификация таких «либералов» как «агентов влияния» не выглядит как метафора, натяжка или поклеп. Наоборот, с точки зрения социальных теорий, различающих акторов (действующих лиц) и агентов (исполнителей или проводников, что зависит от того, осознают ли агенты, что они исполняют) социального (в т.ч. и экономического) процесса, это выглядит как точная квалификация их действий. То есть, увеличивая внешнюю свободу, они увеличивают и внутреннюю необходимость (уменьшают внутреннюю свободу).

Оценим не либерально-экономическую, а либерально-политическую сторону глобализации. И здесь наиболее важными являются вопросы: чья свобода и свобода в чьих интересах? Если классический политический либерализм

отстаивал права и свободы личности по отношению к государству, но внутри государства, то постклассический глобальный либерализм отстаивает права и свободы в глобальном наднациональном пространстве. В чем же принципиальная разница? Частичное разделение функций и относительная автономия личности и государства пошли на пользу и тому и другому, а общественная система стала развиваться эффективней. Если же права и свободы отстаиваются с транснациональных и внешних по отношению к государству позиций, то нетрудно заметить, что только для государств с опережающим по сравнению со среднемировым уровнем развития их граждан такая транснациональная свобода пойдет на пользу. Для всех других государств и их граждан это будет выглядеть как некий глобальный диктат и эксплуатация. При этом только меньшинство из последней группы государств может оказаться среди представителей развитых стран, еще более уменьшая уровень производительности труда и качество жизни оставшихся.

Издержки глобализации, если ее измерять в глобально-информационных категориях, заключаются в том, что человек трансформирует свое сознание в сторону виртуального пространства, утрачивая при этом все связи с естественным биологическим и социально-культурным пространством, которое постепенно теряется в глобальном супертехнологическом развитии, унифицируется под воздействием стандартов массовой культуры и стилей жизни. Глобализованное пространство во многих смыслах искусственно, находит свое проявление в неких конституциональных константах и символах, которые ретранслируют в сознании индивида определенные запрограммированные состояния духа. В этом контексте следует говорить о деперсонифицированности, что, по мнению многих культурологов, приводит к мировоззренческой нестабильности человека, нестабильности этнических и социальных групп, утрате ими своеобразия своего существования и, как следствие, своей идентификационной суверенности.

Ключевое противоречие в действующем миропорядке, как представляется, заключается в претензиях на универсальность западной цивилизации и неприятии этих универсалий множеством так называемых цивилизаций незападного миропорядка. Подобные противоречия можно наблюдать на разных социальных уровнях — от индивидуальных столкновений на почве ценностных рассогласований до глобальных межгосударственных противоречий в политической сфере.

В современной науке и реальной, в частности политической, практике многие ученые и практики вопросы этнической идентичности представляют в качестве последствий недостаточного цивилизационного развития, которые должны быть поглощены глобализационными процессами. Однако последние события, в частности в политической сфере, позволяют говорить не просто о несостоятельности в этом контексте глобализационных процессов, но и, наоборот, возрастание уровня поддержки тех сил, которые отстаивают именно национальные идеи, что характеризует потребности даже западного общества в сохранении культурной и цивилизационной идентичности. Кроме того, следует отметить и сильную индивидуализированность западной культуры, что порождает доминирование индивидуальных приоритетов в разрешительно-запретительной матрице западного общества.

Таким образом, можно констатировать, что ценности, приемлемые для того или иного типа общества, существуют в особой форме — в форме духовно-практической деятельности, а не в рационально-осознанной, как это принято считать, именно поэтому рационализация и персонализация западных ценностей при внедрении их в так называемые незападные культуры вызывают очень

большие сложности и явно не способствуют универсализму, характерному для процесса глобализации.

В контексте исследуемого явления интересен анализ возможностей модернизации, которая включает в себя концептуальные, связанные с реализацией теоретических положений, и реальные, связанные с практическими трансформациями аспекты. С одной стороны, модернизация предполагает трансформацию всех сфер общества и, как представляется, должна начинаться с переходом на принципиально иные подходы к функционированию политической системы. С другой стороны, модернизация может пониматься как некий прогресс общества в целом, и в этом контексте может отождествляться с вестернизацией. И в этом смысле, несмотря на тщательно подобранную идеологию, это процесс, как показывает опыт той же Японии, протекает лишь частично.

Глобализацию в этом контексте можно понимать как явление второй половины XX в. — эпохи постиндустриального (информационного), постмодернистского общества — либо как последовательно развивающийся процесс глобализации разнообразных связей. При этом первое — это последний этап второго. Кроме того, ее можно представлять как естественноисторический мировой процесс с принятием той или иной концепции глобального эволюционизма или как один из возможных вариантов мировой истории, которая включает и другие варианты, отнюдь не обязательно приводимые к общему знаменателю, равно как и сама глобализация. Как глобальный эволюционизм, так и сама глобализация может мыслиться в качестве неизбежной универсализации, как и борьба с последней (не обязательно в форме гротескного и поверхностного антиглобализма, но обязательно как отстаивание суверенности и суверенитета). Наконец, может быть поставлен ключевой вопрос о связи глобализации и модернизации, включающий следующие варианты ответов: 1) глобализация — следствие модернизации; 2) модернизация — следствие глобализации; 3) они являются независимыми процессами; 4) они — следствие чего-то более общего и фундаментального.

Каждый из вариантов имеет логические и практические основания.

Какие существуют возможные сценарии глобализации? Они сильно зависят от того, кто будет единоличным или коллективным лидером: 1) североамериканский вариант с лидером — США; 2) западный вариант с коллективным лидером — США и Объединенная Европа; 3) западно — юго-восточный вариант с тремя лидерами: США, Объединенная Европа, Япония (Юго-Восточная Азия).

Наиболее гипотетический вариант, когда какая-то страна или группа стран после бурного роста присоединяется к великой тройке.

Первый вариант является достоянием настоящего времени, и переход ко второму и третьему варианту или какой-то их модификации предполагает сложную и длительную работу политических лидеров Европы по созданию новой общеевропейской идентичности плюс консолидированную политику совместно с Юго-Восточной Азией и совместное дистанцирование и противодействие североамериканской гегемонии. Все это вместе взятое в настоящее время выглядит труднодостижимым, в то время как супернационализм США (*Pax Americana*) не только не деконструирован, но, напротив, торжествует во всемирном масштабе.

Доминирование США объективно и обоснованно в настоящее время, т.к. основано на узурпации власти в государствах Западной Европы. И центральная идея заключена здесь не в экономическом благополучии или в идеологическом догматизме, а в банальном превосходстве в военной сфере, ведь даже доминирование в финансовой сфере (к примеру, курс доллара США) обеспечивается, говоря языком международного права, силой или угрозой силы, а не экономическими методами. При этом США стремятся закрепить свое положе-

ние лидера, в частности, за счет ослабления суверенитетов наций (юридически именно наций, а не государств).

Уже много лет идут разговоры о некоем «переходном состоянии» мировой политики и экономики, после которого возникнет некий «новый мировой порядок». Причем, если в России они были хотя бы логичными, поскольку отражали постоянную неудовлетворенность тем статусом и теми параметрами, которые пореформенная Россия имела в системе международных отношений, то бесконечная пролонгация «переходного периода» в западной политике, политологии, да и социологии вызывает удивление. Внешне создается впечатление, что пресловутый «переходный период» и есть тот искомый «новый мировой порядок», о котором так много говорят.

Застойность политического и социального ожидания прихода нового мирового порядка в значительной мере выражается сейчас и в ожидании неких новых прорывных технологий, после которых жизнь, прежде всего экономическая, но в значительной мере — и политическая, начнется как бы «с чистого листа». Фактически человечество уже несколько лет живет в ожидании будущего, которое заполняет разного рода, в лучшем случае, симулякрами, а в худшем — фантомами.

В последние годы, начиная с конца XX в., наблюдается кризис деятельности международных институтов, олицетворяющих мировой порядок: ООН, ЮНЕСКО, ВТО, Всемирного банка, Нобелевского комитета и т.п. Это происходит, прежде всего, потому, что США после победы в «холодной войне» не стремились к глобальной устойчивости в военно-техническом и политическом отношениях, а, напротив, демонстрировали вмешательство во внутренние дела суверенных государств от Югославии до Ближнего Востока, России (практически по всему земному шару). В последнее время за период правления президента Д. Трампа США вышли из международных договоров, даже невзирая на протесты своих традиционных союзников (из ядерной сделки с Ираном, из ДРСМД, из Парижского соглашения по климату, из соглашений ВТО, введя пошлины на иностранные товары). Таким образом, Америка продемонстрировала, что глобализация приемлема только тогда, когда она приносит выгоду самим США. В противном случае они могут от нее отказаться. Это свидетельствует о том, что, в отличие от научно-технических и информационных аспектов глобализации, которые представляются необратимыми, ее политические и экономические аспекты таковыми не являются. Это, в свою очередь, ставит под вопрос эти стороны глобализации в принципе. Здесь возможны разные варианты перехода: либо к коллективной глобализации без индивидуального лидера, либо от отказу от нее в принципе. При этом нельзя не учитывать военно-технические и военно-политические аспекты доминирования США, от которых они не готовы отказаться. К этому надо добавить «пробуксовку» Евросоюза (один Брексит чего стоит!), а также нарастание региональных конфликтов и т.д.

Говоря о дальнейших перспективах глобализации, необходимо отметить происходящий в настоящее время общий крен западной цивилизации в сторону управляемого хаоса и тотального разобщения по вине, прежде всего, как представляется, глобальной политики США. Наблюдается усиление тенденций, ведущих к изменению государственных границ, при этом данный процесс становится непредсказуемым, а политические силы ангажируются в угоду интересам доминирующего лидера. Традиционные центры силы в это же время ослабляют свое влияние и наполняются новыми. Просыпаются забытые обиды, замороженные конфликты: этнические, национальные, религиозные.

Как отмечает исследователь С.Г. Иванов, диктат «политкорректности», наступление радикального ислама, локальные войны, вспыхивающие в различных

точках земного шара, — как реальные, так и гибридные, — череда «цветных революций», глобализация терроризма — все это звенья одной цепи. Повсюду у многих людей возрастает чувство незащищенности и страха перед будущим. Никто не может быть гарантирован от уличной преступности, немотивированного насилия, сложности достижения справедливости в судебной системе. Разумеется, «самоподдерживающийся» беспорядок не может продолжаться вечно. Вопрос лишь в том, что придет ему на смену [Иванов 2015].

Сохранится ли информационная составляющая при торможении глобализации? К сожалению, здесь нельзя дать однозначно положительный ответ. Есть попытки использовать доступ к сети Интернет в чисто политических целях. С другой стороны, современная политика все больше утрачивает объективный характер, приобретая явный идеологический характер даже больше, чем в период «холодной войны». Виртуальный мир начинает подменять собой реальный.

В отдаленной перспективе, как представляется, существуют четыре логически обоснованные возможности далеких перспектив мирового развития: 1) союз свободных индивидуальностей (аналог гражданского общества); 2) господство абсолютного духа (диктат немногих); 3) безличная глобальная технико-коммуникационная зависимость (симулякр); 4) всемирная катастрофа (военно-технологическая, экологическая, космическая).

В теории возможен плюрализм векторов развития процессов глобализации. Первый вариант представляет собой текущий ход событий. В этом случае создание полностью глобализованного мира представляет собой некую утопию, если учитывать интенсификацию процессов усиления националистических настроений даже в Западной Европе (например, в той же Франции). Ликвидация глобализации представляется утопией, возведенной в степень бесконечности, если учитывать степень развития информационно-коммуникационных технологий и уже, по сути, свершившуюся глобализацию информационного пространства. Третий вариант представляется наиболее вероятным и доминирующим, что связано с переходом от управления ключевыми системами человеком к некой мультигенной сети, в основе которой заложен алгоритм принятия управленческих решений коллективным субъектом.

В этом контексте глобальные коммуникации уже сейчас актуализируют необходимость проявления своей объективности, в качестве которой в современном мире выступают PR-технологии, позволяющие каждому человеку осознать свое субъективное влияние на происходящие процессы.

При этом следует понимать, что в современном мире часто можно наблюдать ситуацию, когда определенный субъект, неся персональную ответственность за свои решения, не отвечает за определенные преступления сложившегося режима (как показывают приговоры Нюрнбергского процесса и прочие приговоры международных судов). В связи с этим в современном мире можно констатировать сохранение опасности возникновения в том или ином анклав современной версии тоталитаризма как отражения тотализма (универсального духовного и социального господства), который будет обеспечен косвенными механизмами тотального управления всеми сферами народного хозяйства через создание необходимого ценностно-символического пространства и соответствующих объектов притяжения и формирования внутренних предпочтений, вместе приводящих к нерелексивной оптимизации поведения индивидов с позиции невидимого манипулятора.

Как представляется, идеологи такой модели считают такой путь единственно верным, закладывая в данную симулятивную идею определенную монистическую идею на метауровне. При этом в условиях глобализации вся или большая часть планетарной модели управления выстраивается аналогичным образом.

Если же исследовать характер формирования (и, соответственно, управления и манипулирования) отдельного человека, то надо также отметить сходство и различие в двух моделях тотализма: во-первых, в тоталитарной модели и, во-вторых, в тоталиарной или тоталиберальной модели.

В первой модели прямое управление апеллирует к рефлексивному сознанию, где сознание (сознательность) понимается как следование общественному или личному долгу. Во второй модели управление обращается к бессознательному, связанному с формируемой конструктивно иерархией потребностей. Пограничной зоной для обеих моделей является область нерефлексивного сознания. Если управление через рефлексию переходит от рефлексивного сознания к нерефлексивному, то образуется единство духа (души), противопоставленное телу. Если управление от бессознательного переходит к нерефлексивному сознанию, интенционально направленному на объект, то такое управление также достигает цели. В первой модели управляемость достигается ценой подавления тела, спонтанности, свободы. Во второй модели – ценой деградации разума, личности, морали и культурного прогресса.

На вопрос: «Что есть глобальная перспектива для локальных (региональных/ этнонациональных) субъектов – спасение или соблазн?» – можно дать ответ, что глобальная перспектива – это спасение для небольшой высокоразвитой группы стран и их граждан и одновременно это соблазн для всех остальных, однако в Ноевом ковчеге глобального будущего мест на всех не хватит. И единственный лозунг спасения для всех остальных: спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Список литературы

Иванов С.Г. 2015. *Универсалии и судьба европейской цивилизации*. СПб: Изд-во Политехнического университета. 446 с.

Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха*. М.: ГУ ВШЭ. 606 с.

Wallerstein I. 1986. *Une Leçon d'histoire de Fernand Braudel / Châteauevallon, Journées Fernand Braudel, 18, 19 et 20 oct. 1985*. Paris: Arthaud-Flammarion. 254 с.

YUDIN Ivan Valer'evich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Philosophy, Political Science, Sociology named after G.S. Aref'eva, Associate Professor of the Chair of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (14 Krasnokazarmennaya St, Moscow, Russia, 111250; ivanyudin@yandex.ru)

LYUSKIN Mikhail Borisovich, Associate Professor of the Chair of Philosophy, Political Science, Sociology named after G.S. Aref'eva, National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (14 Krasnokazarmennaya St, Moscow, Russia, 111250; LiuskinMB@mpei.ru)

KALININ Eduard Yur'evich, Senior Lecturer of the Chair of Philosophy, Political Science, Sociology named after G.S. Aref'eva, National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (14 Krasnokazarmennaya St, Moscow, Russia, 111250; KalininEY@mpei.ru)

THE CRISIS OF GLOBALIZATION OR THE SEARCH FOR A NEW WORLD ORDER

Abstract. *From the standpoint of a systematic approach and by applying philosophical methods of knowledge and political analysis skills, the authors make an attempt of scientific analysis of the controversial essence of such a process as globalization, which affects many areas of society. The key task of any state under the inevitable globalization of the*

entire social space, according to the authors, is the need to modernize, above all, a political one. Furthermore, the authors investigate the contradictions and dangers of globalization, possible further scenarios for the development of this objective process.

The authors show that several scenarios for the further development of globalization seem possible, the analysis of which, as well as the potential result, certainly has scientific and practical significance and is one of the central tasks of political analytics and political forecasting at the present stage of the development of the social sciences.

Keywords: globalization, political modernization, contradictions of globalization, scenarios of political development under globalization, dangers of globalization

---

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна – доктор политических наук; профессор департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; brodovskaya@inbox.ru)

ЦИФРОВЫЕ ГРАЖДАНЕ, ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО И ЦИФРОВАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются базовые трактовки категорий «цифровой гражданин», «цифровое гражданство», «цифровая гражданственность». Основное внимание уделено представленности данных категорий в научном дискурсе и в российских политических практиках.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой гражданин, цифровое гражданство, цифровая гражданственность, гражданская и политическая активность, цифровой профиль, поколение Z

Одной из проблем реализации стратегических задач, связанных с построением цифровой экономики в России, является примат институциональных составляющих цифровизации над социокультурными. На практике это означает существенное рассогласование в скорости и результативности создания цифровой инфраструктуры и формирования, прежде всего у новых поколений россиян, ценностей, норм, стратегий поведения, позволяющих максимизировать возможности и минимизировать издержки цифровой политики, экономики и гражданского общества.

Проблемное поле. Согласно результатам научного проекта Финансового университета при Правительстве РФ «Влияние цифровизации на профессиональную культуру российской молодежи» 2018 г., большинство молодых людей в России являются настоящими аборигенами цифрового пространства, о чем свидетельствует довольно ранний старт в использовании интернет-коммуникации: 25% – в 7–10-летнем возрасте; 45,5% – в 10–13-летнем возрасте; еще четверть – в возрасте старше 13 лет. При этом самая существенная доля молодых россиян проводит треть дня в социальных медиа: 40% – 4–8 ч; 34% – 1–4 ч; 15% – 8–12 ч; 6% – более 12 ч. Исследование позволило выявить позитивные установки молодежи по отношению к таким онлайн-сетевым практикам, как построение бизнеса онлайн (50,5%), развитие онлайн-сетевых форм добровольческих/волонтерских организаций (64,6%), государственные услуги онлайн (72,4%), творческая самореализация онлайн (75,4%).

Вместе с тем значительная часть российской молодежи (40,2%) встречается с проблемой кибербуллинга, а половина (49,3%) респондентов называют значимой проблемой провоцирование в Глобальной сети на рискованные поступки. Практически все молодые россияне (91,2%) отмечают в качестве проблемы